РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И ВЕДУЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ

© 2003 А.П. Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

В истории изучения политического языка советской эпохи можно выделить три периода. Первый из них приходится на 20-е – 30-е гг., когда Г.О. Винокур, С.И. Карцевский, Б.А. Ларин, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, П.Я. Черных, Р.О. Якобсон изучали преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 года. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе: прежде всего появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов.

Второй период приходится на 30-е – 40-е годы, когда последователи Н.Я. Марра стремились выделить и автономно описать “язык эксплуататоров” и “язык трудящихся” как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Определенный историко-лингвистический интерес представляют также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингвополитический анализ “языка и стиля” некоторых советских политических лидеров (М.И. Калинин, С.М. Киров, В.И. Ленин, И.В. Сталин и другие). Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, “народность” их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с пониманием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или победить в острых внутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50-м – 80-м годам, когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г.З. Апресян, Л.А. Введенская, Н.Н. Кохтев, В.В. Одинцов и другие), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (Ю.А. Бельчиков, В.Г. Костомаров, Д.Э. Розен-

таль, Г.Я. Солганик и другие), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Эти проблемы занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексико-фразеологического фонда (П.Н. Денисов, С.Г. Капралова, А.Н. Кожин, Т.Б. Крючкова, М.В. Панов, И.Ф. Протченко и др.). Среди советских специалистов были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Совершенно особое место в изучении отечественного политического языка занимают зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэклунд, Эгон Бадер, Патрик Серю и др.), в том числе публикации российских эмигрантов (С.М. Волконский, И. Земцов, С.И. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко и др.) и специалистов из бывших советских республик – ныне суверенных государств (В.В. Дубичинский, А.Д. Дуличенко, Э. Лассан, С.Н. Муране, Б.Ю. Норман, Г.Г. Почепцов и др.). Взгляд “со стороны” иногда позволяет увидеть даже больше, чем наблюдения над языковой ситуацией “изнутри”. Кроме того, нельзя забывать, что жесткая цензура и самоцензура часто не позволяли советским лингвистам в полной мере высказать свою точку зрения, тогда как авторы, работавшие за рубежом, были в этом отношении относительно свободны. С другой стороны, многие эмигранты “первой волны” оказались слишком суровыми критиками и отвергали едва ли не любые инновации послереволюционного периода.

Обсуждение проблем политической коммуникации в отечественной лингвистике советского периода происходило по существу вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось

только в конце XX века, когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массового интереса и стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации.

В России формирование политической лингвистики как особого научного направления происходило в последнее десятилетие XX века, чему способствовали как бурные изменения в политическом языке, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России, так и появление возможности открыто выражать свои взгляды, использовать опыт западной политической науки. Вместе с тем показательно, что до настоящего времени специалистам приходится специально обосновывать использование самого наименования “политическая лингвистика”. Так, П.Б. Паршин пишет: “В названии настоящей статьи присутствует выражение “политическая лингвистика”, которое может вызвать вполне обоснованную оторопь. Оно, однако, имеет некоторую историю употребления (международная конференция, в названии которой присутствовало это выражение, прошла в Антверпене еще в декабре 1995 г.), да и к тому же проще и понятнее, чем “теория политического дискурса” и тому подобные обозначения соответствующей сферы исследований. Еще одним аргументом в пользу этого названия является то, что оно устроено ровно так же, как уже привычное “политическая психология”: определение в составе обоих названий относится не к самой дисциплине, а к ее объекту” [96, 181]. Высказанные опасения представляются напрасными: исследования в области политической лингвистики становятся все более глубокими и разнообразными, а название этого раздела науки не вызывает не только оторопи, но и удивления.

Специфика современной российской политической речи в последние годы активно обсуждается специалистами (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, Н.А. Безменова, А.Д. Васильев, И.Т. Вепрева, С.И. Виноградов, О.И. Воробьева, О.П. Ермакова, Е.А. Земская, О.С. Иссерс, Е.Г. Казакевич, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, В.Г. Костомаров, Л.П. Крысин, Н.А. Купина, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, Л.И. Скворцов, Ю.А. Сорокин, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов, В.Н. Шапошников, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.). Повышенное внимание современных специалистов к исследованиям политической речи связано еще и с тем, что в советский период едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по проблемам политической речи было априорно скомпрометировано. Как известно, в условиях жесткой цензуры и самоцен-

зуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы predeterminedляли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода “советы” пропагандистам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, а также рекомендации журналистам по проблемам “языка и стиля” в средствах массовой коммуникации и критический анализ языка “буржуазной” прессы. Положение изменилось только после начала перестройки, когда гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколько-нибудь объективных исследований.

В современной отечественной политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Возможна классификация современных отечественных политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, по изучаемому периоду, по рассматриваемому языковому ярусу и некоторым другим основаниям. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики – анализ конкретных единиц в рамках политических текстов. К первой группе относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию (В.Н. Базылев, А.Н. Баранов, О.И. Воробьева, Ю.Н. Караулов, Л.П. Крысин, Н.А. Купина, А.К. Михальская, П.Б. Паршин, Г.Г. Почепцов, Л.И. Скворцов, Ю.А. Сорокин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал и др.). Так, в учебнике А.Н. Баранова [11] политическая лингвистика представлена как одно из направлений прикладной лингвистики, охарактеризованы предмет, задачи и методы указанного научного направления. В исследовании П.Б. Паршина [96] рассмотрены понятие идиополитического дискурса, методологические основы политической лингвистики и специфика политического языка. В монографии Е.И. Шейгал дано определение основных понятий политической лингвистики, представлена общая характеристика политического языка и политического дискурса, рассмотрены вопросы категоризации мира политики в знаках политического дискурса и интенциональные характеристики политического дискурса, проанализирован ряд политических жанров. Автор приходит к выводу, что в политическом дискурсе обнаруживается “примат ценностей над фактами, преобладание воздей-

вия и оценки над информированием, эмоционального над рациональным” [124, 46]. Характерными признаками языка политики, по мнению исследователя, являются смысловая неопределенность (политик часто избегают высказывать свое мнение в максимально обобщенном виде), фантомность (многие знаки политического языка не имеют реального денотата) фидеистичность (иррациональность, опора на подсознание), эзотеричность (подлинный смысл многих политических высказываний понятен только избранным), дистанцированность и театральность.

Оригинальная концепция представлена в книгах О.И. Воробьевой [31;32]. Рассматривая теоретические основы политической лингвистики, автор прямо соотносит функции политической лексики с функциональным стилем и детально рассматривает номинативную функцию указанной лексики (в рамках официально-делового стиля), ее аксиологическую и прагматическую функции (в рамках публицистики) и эстетическую функцию (в рамках художественных текстов). В других разделах представлено подробное описание семантической структуры и текстовых смыслов ключевых слов политического языка (*политика* и *политический*; *партия* и *партийный*; *буржуазия* и *буржуазный*; *социализм* и *социалистический*; *советы* и *советский*). Подобное совмещение в рамках одной публикации теоретического осмысления проблемы и конкретного описания отдельных явлений характерно и для многих других исследований.

2. Исследование советского политического языка – изучение языка постсоветской эпохи. При “хронологической” (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные, с одной стороны, “тоталитарному языку” советского периода, а с другой – политической речи постсоветской эпохи (начиная с “перестройки”). Ярким примером исследований первого типа может служить монография Н.А. Купиной “Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции” [80], в которой тщательно рассматривается словарь советских идеологов, относящихся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России. В монографии А.П. Романенко “Советская словесная культура: образ ратора” [105] представлено детальное описание советского риторического идеала, образа “идеального” советского ратора. На основе учения Ю.В. Рождественского об этосе, пафосе и логосе А.П. Романенко рассматривает условия речевой деятельности советского ратора (этос),

направленность содержания его выступлений в зависимости от вида речи (пафос) и средства языкового выражения применительно к условиям и направленности содержания (логос). Проблемы “русско-советского языка”, и языкового сопротивления рассматривают также Ю.А. Бельчиков [18], А.А. Ворожбитова [32; 33], С.Ю. Данилов [41], В.И. Жельвис [54], Н.А. Кожевникова [66], С. Кордонский [70], Э. Лассан [83], Ю.И. Левин [84], В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной [90], Б.Ю. Норман [95], Г.Г. Почепцов [99], Р.И. Розина [104], А.П. Чудинов [117] и целый ряд других авторов.

Эти исследования показывают, что в политическом языке советской эпохи действительно существовала “диглоссия (по А. Вежибицкой [24]), точнее – использовалось несколько “диалектов” (официальный, диссидентский, обывательский, “потаенный”). Как справедливо отмечает Максим Кронгауз, несправедливо считать, что “русский язык в советскую эпоху был неуклюж, бюрократичен и малопонятен. Таким была только одна из его форм, а именно новояз, но другим новояз быть и не мог. Его устройство определялось его предназначением” [73, 139]. Следует подчеркнуть, что советский “новояз” – это не язык всего советского народа, а официальный язык тоталитарного общества. Бюрократичность, “двоемыслие” (по Дж. Оруэллу), максимальная обезличенность, эзотеричность (наличие смыслов, понятных только специалистам), ритуальность – это естественные свойства официальной политической коммуникации, которые в той или иной мере присутствуют и во многих современных политических текстах официального (и не только официального) характера. Разумеется, бюрократическим и неуклюжим был не русский язык, а коммуникативная деятельность большинства советских лидеров, речевая практика которых если не считалась образцовой, то меньшей мере воспринималась как наиболее соответствующая духу эпохи.

Если же сравнивать русско-советский язык и русский политический язык новейшего времени, то следует отметить, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубо-просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток заимствований), но именно она и определяла те качества “советского” языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других – некоторую ностальгию.

3. Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка. В современной отечественной политической лингвистике отчетливо разграничиваются дескриптивный (описательный) и нормативный подходы к оценке инноваций. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления “подвергаются досмотру” с позиций традиционной речевой нормы; высказывается даже мысль о необходимости создания лингвоэкологии - особой науки, призванной “защищать” классический русский язык [109]. Авторы подобных работ тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи российских политиков и журналистов, справедливо демонстрируя при этом, что отечественная политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых газетах сократили должности литературного редактора и корректора. Нередко в подобных работах критика современной речи и сетования на общую “порчу” русского языка совмещаются с критикой современной политической ситуации и современных политических лидеров.

Как известно, речевое творчество современных политиков и журналистов - едва ли не основной источник беспокойства лингвистических пуристов, ибо многочисленные нарушения традиционных литературных норм вызывает тревогу и у общества в целом. Подборки “перлов” политического слога стали в последние годы едва ли не постоянной рубрикой многих авторитетных средств массовой информации (“Литературная газета”, “Аргументы и факты”, “Итого”, “Комсомольская правда” и др.), речевые ошибки политиков и журналистов нередко становятся и предметом тщательного разбора профессиональных филологов.

Среди лучших публикаций рассматриваемого типа можно назвать книгу М.В. Горбаневского, Ю.Н. Караулова и В.М. Шаклеина “Не говори шершавым языком” [35], в которой проанализированы наиболее типичные нарушения норм русской литературной речи в электронных и печатных средствах массовой информации. Как справедливо отмечает редактор указанного издания Ю.А. Бельчиков, задача таких публикаций – это вовсе не фиксация ошибок конкретного автора: “принципиально важно, проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах, “участ-

ках” – социокультурных, функционально-стилистических, жанрово-тематических” [35,3]. Конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое осмысление, рекомендации по предупреждению ошибок широко представлены и в ряде других публикаций [1; 15; 27; 78 и др.]. Вместе с тем заслуживает несомненного внимания позиция специалистов, которые подчеркивают, что современный русский язык находится в состоянии динамичного развития, а многочисленные ошибки конкретных политиков и журналистов могут служить свидетельством низкой речевой культуры лишь отдельных носителей русского языка [54, 55]. Теоретическое осмысление проблем современного состояния и динамики развития русского языка представлено в публикациях Г.А. Золотовой, В.Г. Костомарова, М. Кронгауза, Л.П. Крысина, Л.И. Скворцова, Е. Н. Ширяева.

Кардинальные социальные изменения всегда вызывают крупные преобразования в языке (вспомним утрату российской государственности в XIII веке, “Смутное время” на рубеже XVI и XVII столетий, Петровские реформы или гражданскую войну в начале прошлого века), но никакие политические катаклизмы не способны погубить или хотя бы “испортить” русский язык. Его развитие продолжается, в нем обнаруживаются новые ресурсы, а явления, пугавшие современников, бесследно уходят или начинают восприниматься как вполне естественные и необходимые. Поэтому нужно быть крайне осторожным при оценке новых феноменов и не путать косноязычие отдельных политиков с деградацией русского языка.

4. Автономное исследование отдельных языковых уровней политического языка. Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на автономное изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой “перестройке”, создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода. Очень интересны лексикографические издания, фиксирующие новые явления в русской лексико-фразеологической системе постсоветской эпохи: подготовленный под руководством В.И. Максимова “Словарь перестройки” [111], “Словарь новых значений и слов языка газеты” С.В. Молокова и В.Н. Киселева [91], “Словарь перифраз русского языка (на материале

газетной публицистики)» А.Б. Новикова [94], «Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда)», Л.Г. Самотик [109] и др. Лексико-фразеологические инновации в политической речи последних лет многоаспектно проанализированы в публикациях А.Д. Васильева [23], О.И. Воробьевой [30], О.П. Ермаковой [51], Е.А. Земской [55], В.Г. Костомарова [71], Н.В. Черниковой [117] и ряда других лингвистов.

Не менее ощутимы изменения стилистической системы русского национального языка и процессы его пополнения заимствованной лексикой. По справедливому замечанию Л.П. Крысина, для русского литературного языка конца XX века особенно характерны два явления: интенсификация процессов заимствования иностранных слов и «сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды [74]. О.И. Воробьева [31] выделяет «стилистическое снижение» в качестве основной тенденции современной политической речи, активное использование в современной политической речи просторечных и жаргонных слов отмечают и многие другие исследователи (А.Д. Васильев, Ю.Н. Караулов, В.Г. Костомаров).

В монографии В.Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» [121] сделана попытка охарактеризовать не только лексико-фразеологические и стилистические изменения, но и новые процессы в фонетике, словообразовании, морфологии и синтаксисе, связанные преимущественно с изменением «языковой моды» и ориентацией значительной части говорящих на новую политическую и экономическую элиту как своего рода «речевой идеал». Кардинальных изменений в фонетике и грамматике не произошло, но русский язык продолжает свое развитие.

5. Исследование жанров и стилей политического языка. Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Так, А.Н. Баранов и Е.Г. Казакевич [14], С.И. Виноградов [27], Л.К. Граудина [36] и О.Л. Дмитриева [44] рассматривают специфику парламентских дебатов; М.В. Китайгородская и Н.Н. Розанова пишут о «коммуникативном пространстве митинга» [64]; А.А. Романов и Л.А. Романова анализируют жанр политической сплетни [106]. А. Плущер-Сарно находит в выступлениях депутатов Государственной Думы, признаки традиционных жанров пародии, плача, исповеди и пасквиля [98]. Все чаще внимание специалистов привлекают коммуникативные особенности предвыборной борьбы [53; 61; 101; 108; 120 и др.].

Особое внимание современных лингвистов привлекает язык средств массовой информации [2; 29; 48; 58; 65; 71; 76; 88; 102; 107 и др.]. Специфике телевизионной политической речи посвящены публикации А.Д. Васильева [23], М.А. Канчер [59], Н.Г. Мартыненко [86] и ряда других языковедов.

Специальные исследования посвящены анализу настенных надписей [40], лозунгов [13; 49; 63; 84] и жанра проработки [41], предвыборной полемики [108], политического скандала [72; 124]. В исследовании Н.А. Купиной выделены пять используемых в современных избирательных кампаниях блоков жанров влияния на адресата: жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры. Автор отмечает и типичные для выделенных жанров метафорические образы: в частности, в жанре поддержки активно используется «семейная» метафора – образы «отца родного», «благодарного сына», «единой семьи» [79, 223]. В целом специалисты отмечают постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала в современной российской политической речи.

6. Исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам ведущих политических лидеров современной России. Так, Ю.А. Сорокин [113] ставит перед собой задачу реконструировать психопортрет Григория Явлинского, в статье В.Н. Базылева [7] по специальной методике исследуются речевые автопортреты Бориса Немцова, Александра Коржакова, Егора Гайдара, Валерии Новодворской, Александра Лебеда. В работе Т.С. Вершининой проанализированы особенности использования метафоры в текстах девяти современных российских политических лидеров [26]. А.Г. Алтунян [3] предлагает речевые портреты лидеров наиболее крупных партий (В.В. Жириновского, Б.Е. Немцова, Г.А. Зюганова и др.) в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох. А.К. Михальская анализирует речевые особенности современных политических лидеров на основе детального анализа их интервью [89]. Языковеды стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров [21; 46; 17; 122].

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. Так, Е. Родионова описывает националистиче-

ский дискурс газеты “Завтра” [103], Е.В. Какорина рассматривает стилистический облик оппозиционной прессы [58], политический дискурс оппозиции анализирует и А. Дука [47]. Т.С. Вершинина в результате сопоставительного рассмотрения идиостилей девяти ведущих политических лидеров современной России делает вывод о том, что “политические экстремисты (независимо от их принадлежности к правому или левому флангу политического спектра), как правило, более склонны использовать метафорические образы” [26]. А.Б. Ряпосова отмечает повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических и коммунистических взглядов [108]. Едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность, но не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения.

7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик. Интересный анализ современного речевого ритуала и коммуникативных ролей как реализации социального статуса представлен в работах Е.В. Бакумовой [9], В.И. Карасика [60], В.Б. Кашкин [62], Е.И. Шейгал [125]. Наиболее полное описание типичных для политической коммуникации стратегий и тактик представлено в монографии О.С. Иссерс [57]. А.А. Филинский рассматривает стратегию манипуляции в современном политическом дискурсе, подробно характеризует такие ее приемы, как делигитимизация, диффамация, солидаризация [116]. В.М. Амиров рассмотрел стратегии устрашения, самовосхваления и лести [4], П.О. Миронова [87] исследовала стратегию редуционизма в современном политическом дискурсе. Ритуалы в современном политическом дискурсе рассматривают А.Н. Баранов [12], Д.Б. Гудков [39] и Е.И. Шейгал [125].

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т. А. ван Дейку [22] и Р. Водак [28]) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие специалисты (М.Р. Желтухина, О.С. Иссерс, Н.А. Купина, Л.М. Майданова, А.А. Романов, Н.Б. Руженцева, А.Б. Ряпосова, В.И. Шаховский, Е.И. Шейгал и др.) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.). Так, по наблюдениям В.Н. Шапошникова, в речи современных российских политических лидеров нередко Эвстречаются такие оскорбительные вы-

ражения, как *недоумки, популисты, спекулянты, политическая паранойя, бредовые прожекты*” [121, 157]. В публикациях В. И. Жельвиса [54] рассмотрены многочисленные примеры использования бранных выражений (в том числе с использованием метафоры) в современной агитационно-политической речи. Разнообразные виды речевой агрессии в средствах массовой коммуникации рассмотрены Л.М. Майдановой и ее соавторами в книге “Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации” [85]. Специфика проявления речевой агрессии в различных политических жанрах детально исследованы А.Н. Барановым [13], Д.Б. Гудковым [40], Л.В. Ениной [49], А.Б. Ряпосовой [108] и Е.И. Шейгал [125].

Рассмотренные публикации свидетельствуют, что современный политический дискурс отличается значительным арсеналом коммуникативных ролей, стратегий и тактик. Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуации и во время избирательных кампаний.

8. Методы исследования политического языка. Очень разнообразна методология лингвистического анализа современного политического языка: с этой точки зрения выделяются исследования, выполненные с использованием методик, характерных для когнитивистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, социолингвистики, риторики и культуры речи.

При социолингвистическом подходе к изучению политических текстов выясняется, что политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX века отличается кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности [97; 120; 128 и др.]. Новый политический дискурс отличается стремлением к индивидуальному (“фирменному”) стилю, экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью; раскрепощенностью, граничащей с вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение “неправильности” существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, “национальной идеи”, объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное сознание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но даже к некоторым политическим терминам и ме-

тафорам, но столь же стремительно и утрачивает иллюзии.

Значительный интерес представляют публикации, подготовленные с использованием методик политической психолингвистики, во многом заимствованных из психопозитики [113; 7 и др.].

Многие современные исследования ориентированы на использование методов когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования (А.Н. Баранов и Ю.Н. Караулов, И.М. Кобозева, Е.В. Колотнина, А.Б. Ряпосова, А.В. Степаненко, Ю.Б. Феденева, А.П. Чудинов). Важное место в этом отношении занимают публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова и особенно рассмотрение проблем выделения и представления метафорических моделей во вводных разделах словарей “Русская политическая метафора” и “Словарь русских политических метафор” [16], где дано определение метафорической модели, выделены ее структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др. Сами указанные словари являются блестящим образцом конкретного описания метафорических моделей. Когнитивная характеристика ведущих моделей метафорического описания современной политической реальности представлена в монографии А.П. Чудинова [117], где отмечено, что в постсоветских агитационных текстах российские политические реалии регулярно метафорически представляются то как “живой организм”, то как некий “механизм”, то как “растение” или “животное”, как находящийся в пути человек (или транспортное средство); в других случаях политическая ситуация моделируется в метафорах, восходящих к военной или криминальной сфере, к миру спорта или зрелищных искусств. Ю.Б. Феденева [115] подробно рассматривает воздействие крупнейших политических событий в России первой половины 90-х годов XX века (референдум, путч, выборы) на употребительность и особенности реализации указанных выше моделей. Новая политическая реальность (а возможно, и своего рода “мода”) рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели.

Ряд публикаций посвящен когнитивной характеристике отдельных метафорических моделей, активных в политическом дискурсе современной России. Так, Н.В. Багичева [6] анализирует метафору родства, А.Б. Ряпосова [108] – метафорические модели, имеющие источником военную и криминальную сферы. Ориентационные (левый – правый) и цветовые политические ме-

тафоры (красный, коричневый, зеленый и др.) исследует Е.И. Шейгал [125].

Во многих публикациях используется методика лингвостилистического и лингвокультурологического анализа. Так, в монографии И.Т. Вепревой представлено описание языковой рефлексии в постсоветскую эпоху. Н.А. Кузьмина [77] предлагает детальное описание метафорической модели “жизнь - это театр”, традиционно широко представленной в художественных текстах и активно используемой в современных публицистических текстах. Эта же метафорическая модель (с детальной характеристикой обозначаемых политических явлений) подробно рассматривается в статье О.Н. Григорьевой [37] монографиях Е.И. Шейгал [125] и А. П. Чудинова [120]. Анализ подобных метафор показывает, что они, как правило, подчеркивают типовые смыслы “фальшь”, “двуличие”, “несамостоятельность” многих политических деятелей, что эта модель практически всегда несет негативную оценку. В работе О.П. Ермаковой [51] охарактеризованы характерные для современных СМИ тематические группы метафор “Война”, “Дом”, “Дорога”, “Болезнь”, “Животные”. На широкую распространенность метафорических номинаций в публицистике постсоветского периода указывает В.Г. Костомаров (1998) и целый ряд других авторов [58; 75; 120; 121 и др.]. Метафора рассматривается как одно средств непрямой коммуникации, оценочности и намеренной смысловой неопределенности политических высказываний [7;43; 50; 125 и др.].

Особое место занимают исследования, в основе которых лежат методы, приемы и терминология традиционной и обновляющейся риторики. К этому направлению относится учебное пособие А.К. Михальской “Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике” [88], публикации В.И. Аннушкина [5], А.А. Ворожбитой [33] и др.

Целый ряд исследований выполнен с использованием методик сравнительно-исторического языкознания, посвящен истокам современных политических метафор. Так, в монографии Л.В. Балашовой [10] на широком историческом фоне рассмотрен ряд моделей социальной метафоры. Автор отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и по аналогии с противопоставлением “своего” и “чужого”, моделирование иерархических отношений по аналогии с ролями “старшего и младшего” члена семьи, а также развитие модели имущественных отношений (например, приобретение или утрата покоя). Автор делает важный вывод о том, что “характерная особенность именно социальной макро-

модели - тенденция к постоянной оценочной характеристике именуемых явлений” [10, 193].

Многообразие используемых методов и методик обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам.

9. Сопоставительные исследования. Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах [9; 20; 52; 61; 67; 68; 92; 114; 125; 126; 127 и др.]. Так, в выполненной на материале русских и английских текстов диссертации Е.В. Колотниной [69], представлена детальная характеристика метафорических моделей, использующихся в экономической сфере. В статье Т.В. Шмелевой [126], подготовленной на польском и русском материале, подробно охарактеризованы политические метафоры из понятийной сферы источника “Медики, болезни и лекарства”; работа С.Н. Муране [93] посвящена милитарным метафорам в современных русских и латышских политических текстах; в статьях А.А. Касловой [61] рассматриваются закономерности метафорического моделирования президентских выборов в США и России. В монографии М.Р. Желтухиной рассматриваются особенности представления комического в политическом дискурсе России и Германии [53], Е.И. Шейгал тщательно анализирует специфику российского и англоязычного политического дискурса [125].

Отдельную группу составляют очень интересные исследования, связанные с выявлением закономерностей того, в каком виде предстают Россия и наши соотечественники стереотипном восприятии различных народов [45; 38; 67; 82 и др.]

Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать “свое” и “чужое”, случайное и закономерное, “общечеловеческое” и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерантности. Вместе с тем показательно, что для авторов сопоставительных исследований, как правило, нехарактерен обличительный пафос: изучение зарубежной политической коммуникации показывает, что многие ее свойства, казавшиеся исключительно российскими пороками, обнаруживаются и в политических дискурсах самых демократичных стран.

10. Политическая лингвистика «в маске» и «без маски».

Как показывает представленный обзор, в последние годы политическая лингвистика превратилась в самостоятельное направление лингвистических исследований. Принадлежность публикаций к этому направлению часто отражается в их названиях, при формулировании цели и задач исследования, при определении предмета и объекта изучения, при характеристике материала, лежащего в основе работы. Примером могут служить уже рассматривавшиеся выше словари [15, 111, 90], монографии Н.А. Купиной [80], Э. Лассан [83], А.П. Чудинова [120], Е.И. Шейгал [124], диссертации Е.В. Бакумовой [9], Т.С. Вершининой [26], А.Б. Ряпосовой [108], А.А. Филинского [116], Ю.Б. Феденевой [115], учебные пособия и их разделы А.Н. Баранова [11], О.И. Воробьевой [30, 31] и др. Во многих других случаях исследования по политической коммуникации представляются читателям как бы “в маске”, то есть без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации. Можно выделить несколько вариантов такой “маскировки”.

Во-первых, некоторые авторы представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом. Яркими примерами могут служить монография В. Н. Шапошникова “Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении” [121] и монография О. С. Иссерс “Коммуникативные стратегии и тактики русской речи” [57] основным материалом для которых послужили политические тексты. Разумеется, подобные публикации должны быть учтены при определении общих тенденций развития русской политической коммуникации.

Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массовой информации. Примерами могут служить монография А.Д. Васильева “Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении” [23], статьи Л.И. Гришаевой [38], Е.В. Какориной [58], Е. Родионовой [103] М.А. Ягубовой [129]. Как известно, политический дискурс пересекается с языком СМИ, и далеко не всегда существует необходимость (и возможность) однозначно отнести материалы публикации к тому или другому дискурсу. Многие из публикаций, названных в представленном выше обзоре, изначально ориентированы на изучение речевой организации СМИ, но материалы этих исследований очень важны и для постижения специфики современной политической коммуникации. Среди других источников сведений по политической лингвистике можно назвать исследования по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по теории и практике

журналистики, по психологии, социологии и политологии.

Разумеется, представленный обзор не является полным: крайне сложно даже просто перечислить все современные публикации, имеющие то или иное отношение к политической лингвистике. Но он этот обзор отражает тот интерес, который проявляется в современной лингвистике к русской политической речи, и то многообразие материала, методик, аспектов анализа и позиций, которое характерно для современной отечественной науки. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области отечественной политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений:

1. Исследования в области теории политической лингвистики – описание отдельных элементов политического языка.

2. Хронологические рамки исследования: советская или постсоветская эпоха.

3. Поуровневый анализ языка (в том числе лексики, фонетики, словообразования, морфологии, синтаксиса) – исследование текста и дискурса (в том числе коммуникативных стратегий и тактик, проявлений речевой агрессии и др.).

4. Нормативный подход (анализ с позиций соответствия норме, обычно критический, с призывами к борьбе с “порчей русского языка”) – дискриптивный (описательный) подход, то есть фиксация и изучение новых явлений без их оценки.

5. Изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов – исследование общих признаков политического языка.

6. Исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий – изучение общих закономерностей политического языка.

7. Дискурсивное изучение коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик – лингвистическое изучение политического языка.

8. Использование методов психолингвистики, когнитивистики, социолингвистики, лингвокультурологии, структурализма и др.

9. Изучение отечественной политической речи – сопоставительные исследования, выявление общих и особенных признаков политических дискурсов различных стран и эпох.

10. Собственно политическая лингвистика – материалы по политической лингвистике, содержащиеся в исследованиях, ориентированных на смежные области науки.

Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации,

совмещаются нормативный и описательный аспекты исследования, последовательно изучаются различные языковые уровни и текстовые характеристики, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития русского политического языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеенко Е.Л. Русская речь у микрофона / Е.Л. Агенко // Русская речь. - 1996. - № 1.

2. Александрова О.В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса СМИ / О.В. Александровна // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. - М., 2001.

3. Алтунян А.Г. От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов / А.Г. Алтунян. - М., 1999.

4. Амиров В.М. Агитационный предвыборный свертхтекст: организация содержания и стратегии реализации / В.М. Амиров. - Екатеринбург, 2002.

5. Аннушкин В.И. Русские учения о речи (история, теория и общественно-языковая практика) / В.И. Аннушкин // Речевое общение. - 2000. - Вып. 3 (11).

6. Багичева Н.В. Россия – мать или мачеха? (Метафорическое моделирование образа Родины) / Н.В. Багичева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург. – 2000. - Т. 5.

7. Базылев В.Н. Автопортреты политиков: от психопэтики к психополитике / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России – 3. Мат. раб. совещания. - М., 1999.

8. Базылев В.Н. Политик в интеллектуальном контексте эпохи / В.Н. Базылев // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. - М., 2002.

9. Бакумова Е.В. Ролевая структура политического дискурса: Автореф. дис... канд. филол. наук / Е.В. Бакумова - Волгоград, 2002.

10. Балашова Л.В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI - XX века / Л.В. Балашова. - Саратов, 1998.

11. Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику / А.Н. Баранов - М.: Эдиториал УРПС, 2001.

12. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек, 1997, № 6.

13. Баранов А.Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга) / А.Н. Баранов // Русистика. - 1993. - № 2.

14. Баранов А.Н., Казакевич Е.Г. Парламентские дебаты: традиции и новаторство / А.Н. Баранов, Е.Г. Казакевич. - М., 1991.

15. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора. Материалы к словарю / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. - М., 1991.
16. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. - М., 1994.
17. Белкина О.Е. “Загадочный Путин” или... / О.Е. Белкина // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. - М., 2002.
18. Бельчиков Ю.А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны / Ю.А. Бельчиков // Филологические науки. – 2000. - № 6.
19. Беркнер С.С. Язык как инструмент политики / С.С. Беркнер // Эссе о социальной власти языка. - Воронеж, 2001.
20. Болотова Е., Цинкен Й. Русская и немецкая Европа: исследование структуры мировых культурных представлений в русской и немецкой прессе / Е. Болотова, Й. Цинкен // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. - М., 2001.
21. Булгакова Л.Н., Захаренко И.В., Красных В.В. Харизма без власти и власть без харизмы (к вопросу о современном российском политическом дискурсе) / Л.Н. Булгакова, И.В. Захаренко, В.В. Красных // Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания. - М., 1999.
22. Ван Дейк Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т.А. Ван Дейк. - М., 1989.
23. Васильев А.Д. Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении / А.Д. Васильев. - Красноярск, 2000.
24. Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны / А. Вежбицка // Вопросы языкознания. - 1993. - № 4.
25. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху / И.Т. Вепрева. - Екатеринбург, 2002.
26. Вершинина Т.С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе: Автореф... дис. канд. филол. наук / Т.С. Вершинина. - Екатеринбург, 2002.
27. Виноградов С.И. Слово в парламентской речи и культура общения / С.И. Виноградов // Русская речь. – 1993. - №№ 2 – 4.
28. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. - Волгоград, 1997.
29. Володина М.Н. Язык массовой коммуникации – основное средство информационного воздействия на общественное сознание / М.Н. Володина // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. - М., 2001.
30. Воробьева О.И. Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи / О.И. Воробьева. - Архангельск, 2000.
31. Воробьева О.И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации / О.И. Воробьева. - Архангельск, 1999.
32. Ворожбитова А.А. На “входе” и “выходе” русского советского дискурса (лингвориторический аспект) / А.А. Ворожбитова // Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века. - СПб, 1999.
33. Ворожбитова А.А. “Официальный советский язык” периода Великой Отечественной войны в лингвориторической интерпретации / А.А. Ворожбитова // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда. - Воронеж, 2000.
34. Глухова А.В. Речь как политическое действие: функциональный аспект / А.В. Глухова // Эссе о социальной власти языка. - Воронеж, 2001.
35. Горбаневский М.В., Караулов Ю.Н., Шаклеин В.М. Не говори шершавым языком / М.В. Горбаневский, Ю.Н. Караулов, В.М. Шаклеин. - М., 1999.
36. Граудина Л.К. Эвфемизмы – дисфемизмы: парламентские и непарламентские выражения / Л.К. Граудина // Культура парламентской речи. - М., 1994.
37. Григорьева О.Н. Политический театр современной России (взгляд филолога) / О.Н. Григорьева // Интернет-журнал “Полемика”: Публикации Irex-Russia. – 2001. - № 9.
38. Гришаева Л.И. Россия в зеркале немецкой прессы: путь к взаимопониманию народов? / Л.И. Гришаева // XXI век без войны и насилия?! Материалы международной науч. конф. - Воронеж, 2002. – С.99 – 124.
39. Гудков Д.Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе / Д.Б. Гудков // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания. - М., 1998.
40. Гудков Д.Б. Настенные надписи в политическом дискурсе / Д.Б. Гудков // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания. - М., 1999.
41. Данилов С.Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре / С.Ю. Данилов // Стереотипность и творчество в тексте. - Пермь, 1999.
42. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация / Дейк Т.А. ван. - М., 1989.
43. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. - Саратов, 2000.

44. Дмитриева О.Л. Ярлык в парламентской речи / О.Л. Дмитриева // Культура парламентской речи. - М., 1994.
45. Донец П.Н. К типологии стереотипов / П.Н. Донец // Социальная власть языка. - Воронеж, 2001.
46. Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера / Т.Н. Дорожкина // Социс (Социологические исследования). - 1997. - № 8.
47. Дука А.В. Политический дискурс оппозиции в современной России / А.В. Дука // Журнал социологии и социальной антропологии. - 1998. - т. 1. - № 1
48. Евстафьев В.А. СМИ в системе массовых коммуникаций в России: Автореф. дис... докт. фил. наук/ В.А. Евстафьев. - М., 2001.
49. Енина Л.В. Современные российские лозунги как сверхтекст: Автореф... дис. канд. филол. наук/ Л.В. Енина. - Екатеринбург, 1999.
50. Ерилова С.Л. Метафора как средство выражения смысловой неопределенности в политическом дискурсе / С.Л. Ерилова // Языковые подсистемы: Стабильность и динамика. - Тверь, 2002. - С.101-109.
51. Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике / О.П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). - М., 1996.
52. Желтухина М.Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / М.Р. Желтухина. - Москва – Волгоград, 2000.
53. Желтухина М.Р. Воздействие масс-медиа на избирательную кампанию / М.Р. Желтухина // Политический дискурс в России – 6. Политик в интеллектуальном контексте эпохи. - М., 2002.
54. Жельвис В.И. Инвектива в политической речи / В.И. Жельвис // Русский язык в контексте культуры. - Екатеринбург, 1999.
55. Земская Е.А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского общества / Е.А. Земская // Вопросы языкознания. - 1997. - № 3.
56. Земская Е.А. Введение / Е.А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). - М., 1996.
57. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи/ О.С. Иссерс. - Екатеринбург - Омск, 1999.
58. Какорина Е.В. Стилистический облик оппозиционной прессы / Е.В. Какорина // Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995). - М., 1996.
59. Канчер М.А. Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ): Автореф. дис... канд. филол. наук/ М.А. Канчер. - Екатеринбург, 2002.
60. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс/ В.И. Карасик. - Волгоград, 2002.
61. Каслова А.А. Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента / А.А. Каслова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. Екатеринбург. - 2002. - Т. 8.
62. Кашкин В.Б. Коммуникативная мимикрия и социальная власть / В.Б. Кашкин // Эссе о социальной власти языка. - Воронеж, 2001.
63. Киселев К.В. Политический слоган: проблемы семантической политики и коммуникативная техника/ К.В. Киселев. - Екатеринбург, 2002.
64. Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. “Свое” – “чужое” в коммуникативном пространстве митинга / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Русистика сегодня. – 1995. - № 1.
65. Кобозева И.М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И.М. Кобозева // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001. - № 6.
66. Кожевникова Н.А. Язык революционной эпохи в изображении писателей русского зарубежья / Н.А. Кожевникова // Русистика сегодня. – 1998. - № 1-2.
67. Коженевска-Берчинска Й. Портреты России – россиян в польском словесном изображении (на основе современных публицистических текстов) / Й. Коженевска-Берчинска // Стереотипность и творчество в тексте. - Пермь, 1999.
68. Колотнина Е.В. Метафорическое использование лексики понятийной сферы “Больной – здоровый” / Е.В. Колотнина // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2000. - Том 5.
69. Колотнина Е.В. Метафорическая модель “Субъекты экономической деятельности - это животные” / Е.В. Колотнина // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2001. - Том 6.
70. Кордонский С. Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России / С. Кордонский // Век XX и мир. - 1994. - № 1-2.
71. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. / В.Г. Костомаров. - 3-е изд., испр. и доп.-СПб, 1999.
72. Кочкин М.Ю. Политический скандал как явление массовой коммуникации / М.Ю. Кочкин // Социальная власть языка. - Воронеж, 2001.
73. Кронгауз М. Критика языка / М. Кронгауз // Логос. – 1999. - № 3 (13).
74. Крысин Л.П. Русский литературный язык на рубеже веков / Л.П. Крысин // Русская речь. – 2000. -№ 1.

75. Крючкова Т.Б. Общественно-политическая лексика и терминология: основные свойства и тенденции развития: Автореф. дис... д-ра филол. наук/ Т.Б. Крючкова. - М., 1991.
76. Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ / Е.С. Кубрякова // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования. - М., 2001.
77. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции языка/ Н.А. Кузьмина. - Екатеринбург - Омск, 1999.
78. Культура парламентской речи. - М, 1994.
79. Купина Н.А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния / Н.А. Купина // Культурно-речевая ситуация в современной России. - Екатеринбург, 2000.
80. Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции/ Н.А. Купина. - Екатеринбург - Пермь, 1995.
81. Купина Н.А. Языковое сопротивление в контексте тоталитарной культуры/ Н.А. Купина. - Екатеринбург, 1999.
82. Лайдинен Н.В. Образ России в зеркале общественного мнения / Н.В. Лайдинен // Социс. - 2001. - № 4.
83. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ/ Э. Лассан. - Вильнюс, 1995.
84. Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов / Ю.И. Левин // Левин Ю.И. Поэтика. Семиотика. Избр. труды. - М., 1998.
85. Майданова А.М., Амиров В.М., Енина Л.В. и др. Речевая агрессия в средствах массовой информации/ А.М. Майданова, В.М. Амиров, Л.В. Енина. - Екатеринбург, 1997.
86. Мартыненко Н.Г. Субъективизация новостийного дискурса аналитических программ ТВ / Н.Г. Мартыненко // Проблемы речевой коммуникации. - Саратов, 2000.
87. Миронова П.О. Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект: Автореф... дис... канд. филол. наук/ П.О. Миронова. - Екатеринбург, 2003.
88. Михальская А.Г. Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике/ А.Г. Михальская. - М., 1996.
89. Михальская А.Г. О речевом поведении политиков / А.Г. Михальская // Независимая газета. - 2.12.1999.
90. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Толковый словарь языка Совдепии/ В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина - СПб, 1998.
91. Молоков С.В., Киселев В.Н. Словарь новых значений и слов языка газеты/ С.В. Молоков, В.Н. Киселев. - М., 1996.
92. Муране С.Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе / С.Н. Муране // Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения. - СПб, 2001.
93. Муране С.Н. Лексика медицинской сферы в языке современной российской и латвийской прессы / С.Н. Муране // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург. - 2002. - Т. 8.
94. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)/ А.Б. Новиков. - М., 1999.
95. Норман Б.Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии / Б.Ю. Норман // Язык и культура: Третья международная конф. - Киев, 1994.
96. Паршин П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П.Б. Паршин // Вопр. языкознания. - 1996. - № 2.
97. Паршин П.Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики / П.Б. Паршин // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики. - М., 2001.
98. Плущер-Сарно А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль - жанры русской политики / А. Плущер-Сарно // Логос. - 1999. - № 9.
99. Почепцов Г.Г. Тоталитарный человек/ Г.Г. Поцепцов. - Киев, 1994.
100. Поцелуев С.П. Символическая политика как инсценирование и эстетизация / С.П. Поцелуев // Полис.- 1999.- № 5.
101. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) / М.Р. Проскуряков // Вестник Моск. гос. ун-та. Сер.9, Филология. - 1999. - № 1.
102. Рогозина И.В. Медиа-картина мира / И.В. Рогозина // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический аспект. - Барнаул, 2001.
103. Родионова Е. Националистический дискурс газеты "Завтра" / Е. Родионова // Логос. - 2000. - № 1.
104. Розина Р.И. Корифей пропаганды, или риторика Сталина / Р.И. Розина // Наука убеждать - риторика. - 1991. - № 8.
105. Романенко А.П. Советская словесная культура: образ ритора/ А.П. Романенко. - Саратов, 2000.
106. Романов А.А., Романова Л.А. Технология резонансной информации в политической коммуникации / А.А. Романов, Л.А. Романова // Политический дискурс в России - 6: Материалы постоянно действующего семинара. - М., 2002.
107. Руберт И.Б. Мифологема в языке СМИ / И.Б. Руберт // Язык массовой информации как

- объект междисциплинарного исследования. - М., 2001.
108. Ряпосова А.Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе "Российские федеральные выборы (1999-2000 гг.)": Автореф. дис... канд. филол. наук/А.Б. Ряпосова. - Екатеринбург, 2002.
109. Самотик Л.Г. Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И. Лебеда)/ Л.Г. Самотик. - Красноярск, 2002.
110. Сковородников А.П. Лингвистическая экология: проблема становления /А.П. Сковородников // Филологические науки. - 1996. - № 2.
111. Словарь перестройки / Сост. В.И.Максимов и др. - СПб., 1992
112. Слово в парламентской речи и культура общения. - М., 1995.
113. Сорокин Ю.А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский / Ю.А. Сорокин // Политический дискурс в России – 3: Материалы рабочего совещания. - М., 1999.
114. Степаненко А.В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков): Автореф. дис... канд. филол. наук/ А.В. Степаненко. - М., 2002.
115. Феденева Ю.Б. Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века: Автореф. дис... канд. филол. наук/Ю.Б. Феденева. - Екатеринбург, 1998.
116. Филинский А.А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999-2000 гг: Автореф. дис... канд. филол. наук/ А.А. Филинский. - Тверь, 2002.
117. Черникова Н.В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии / Н.В. Черникова // Филологические науки. - 2001. - № 1.
118. Чудинов А.П. Заметки о риторическом мастерстве И.В.Сталина / А.П. Чудинов // Художественный текст: структура, семантика, прагматика. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1997.
119. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале / А.П. Чудинов // Русская речь. - 2001. - №№ 1, 3, 4; 2002. - №№ 1, 2, 3.
120. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000) / А.П. Чудинов. - Екатеринбург, 2001.
121. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении/ В.Н. Шапошников - М., 1998.
122. Шарифуллин Б.Я., Иванова З.М. Языковая личность современного российского политика: Александр Лебедь / Б.Я. Шарифуллин, З.М. Иванова // Самотик Л.Г. Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А.И.Лебеда). - Красноярск, 2002.
123. Шаховский В.И. Голос эмоций в русском политическом дискурсе / В.И. Шаховский // Политический дискурс в России – 2: Материалы рабочего совещания. - М., 1998.
124. Шейгал Е.И. Политический скандал как нарратив / Е.И. Шейгал // Языковая личность: социологический и эмотивный аспекты. - Волгоград, 1998.
125. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса/ Е.И. Шейгал. - М.- Волгоград, 2000.
126. Шмелева Т.В. Морбуальная оптика / Т.В. Шмелева // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург. – 2001. - Т. 7.
127. Шудегова Е.А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе / Е.А. Шудегова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. - Екатеринбург, 2002. - Т. 8.
128. Эпштейн М.Н. Идеология и язык (построение модели и осмысление дискурса) / М.Н. Эпштейн // Вопросы языкознания. – 1991. - № 6.
129. Ягубова М.А. Речь в средствах массовой информации / М.А. Ягубова // Хорошая речь. - Саратов, 2001.